

УДК 316.4.06

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-30-40

Михаил Васильевич Фирсов¹,

доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1),
e-mail: mihail_firsov@mail.ru

Татьяна Николаевна Юдина²,

доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1),
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Анна Андреевна Черникова³,

аспирант,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1),
e-mail: aannyu@yandex.ru

Особенности процессов инкапсуляции в условиях многовекторных координат российского общества

Процессы институционализации современного российского общества отражаются на всех сферах его развития. В современных условиях начинают формироваться новые отношения между социальными группами и национальными общностями, которые требуют своего системного осмысления. Современное постмодернистское познание ищет такие формы осмысления многофакторных явлений, которые бы позволили выйти за рамки традиционных схем и «принятых» дискурсов понимания реальности, поскольку в одной познавательной матрице достаточно сложно описать динамические процессы. В этой связи социальное познание использует различные подходы в рефлексии складывающихся социальных процессов. Одним из таких подходов является подход культурной инкапсуляции, предложенный американским исследователем К. Ренном. Подходы культурной инкапсуляции широко применяются в практике консультирования и терапии для понимания особенностей социального функционирования этнических клиентов в обществе. Данный подход применяется и в социологическом познании при описании взаимодействия различных этнических групп применительно к этнокультурным проблемам. В статье даны подходы к описанию трансформации советской матрицы инкапсуляции, её базовых характеристик, особенностей функционирования и её переход в российскую модель.

Ключевые слова: ассимиляция, инкапсуляция, коллективная матрица инкапсуляции, виды инкапсуляции, институционализация, маргинализация, миграция

Вводная часть. В современном российском обществе среди важнейших социальных процессов наблюдается с одной стороны окончательное разрушение «мифологем советского времени», заканчиваются процессы десоветизации, а с другой – завершаются процессы транзитивности, его «неопределённого состояния». Как отметил бы философ М. М. Бахтин, заканчивается период «вневременного зияния», когда прошлое закончилось, а настоящее ещё не наступило [2]. В этих измерениях можно наблюдать оформление новых контуров

российского общества в системе геополитических, социокультурных и глобальных координат.

Одним из векторов, позволяющих наблюдать изменения социетальных структур, считаются «точки перехода», которыми являются социокультурные матрицы инкапсуляции. Понятие «культурная инкапсуляция» в социальных науках было предложено психологом К. Ренном. Культурная инкапсуляция – это психологическая модель самозащиты индивида от давления окружающей инокультурной среды [19, с. 67–68]. Учёный

¹ М. В. Фирсов разрабатывает концепции статьи, систематизирует и анализирует исследовательский материал.

² Т. Н. Юдина систематизирует и анализирует исследовательский материал.

³ А. А. Черникова переводит и анализирует зарубежную литературу, собирает материал.

предложил образную модель кокона, замкнутого индивидуального социокультурного пространства, позволяющего индивиду сохранять свои социокультурные ценности и мировоззрение в ситуациях постоянных трансформаций контекстов его жизнедеятельности: экономических, политических, социальных, культурных.

Эта тема находит своё продолжение в зарубежных исследованиях других учёных [20, с. 720–729; 23]. Культурная инкапсуляция в большинстве научных публикаций осмысливается в дискурсах психологических наук, меньше – социологических. В отечественном социальном познании подходы к данной проблематике только начинают оформляться, и здесь можно выделить работу М. С. Куропятник [5].

Мы будем рассматривать социокультурную инкапсуляцию как целенаправленный, организуемый процесс межкультурной интеграции различных этносов и народов правящими элитами в определённое историческое время на контролируемом геополитическом пространстве для достижения своих политических, социальных, культурных и экономических целей. Этот процесс формируется и реализуется в рамках геокультурных матриц, которые позволяют действующей власти осуществлять социокультурные интегративные проекты.

В этой связи можно наблюдать, как на рубеже XX–XXI веков в Российской Федерации в результате геополитических и экономических трансформаций произошла деинституционализация советской матрицы инкапсуляции, и сегодня происходит оформление новой российской модели, контуры осмысления которой только определяются в отечественном социальном познании [1; 3; 8 и др.]. Особенности перехода от коллективной матрицы инкапсуляции, в основе которой «проект советского мира», к российской матрице инкапсуляции, в основании которой «проект русского мира» или «российской цивилизации», обозначают своеобразие динамики социокультурного процесса современного российского общества.

Методология и методы исследования. В связи с тем, что предполагаемое исследование затрагивает различные сферы научного социального познания, был использован комплекс подходов, объединённых едиными целевыми установками и задачами:

– классический подход к процессам социальной адаптации (М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, Г. Спенсер);

– адаптация и социокультурная интеграция на основе концептов дифференциации, сближения, эволюционного развития (Н. Бердяев, А. Макинтайр, Дж. Ролз, М. Сандель, Дж. Удрон, Г. Таллока, Ч. Тейлор, А. Этциони и др.);

– проблема этнической идентичности (А. О.Бороноев, Ю. В. Бромлей, Э. Гелнер, А. Г. Здравомыслов, К. Колхаун, Ч. Миллс, М. Мнацаканян, И. Нойман, Э. Смит, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Э. Эрикссон, В. И. Тишкова и др.);

– исследования российских современных учёных, разработавших подходы к процессам социальной адаптации, применительно к российским реалиям (Е. М. Аврамова, А. С. Ахиезер, Л. А. Беляева, О. Э. Бессонова, Л. А. Гордон, А. С. Готлиб, Т. И. Заславская, Л. В. Корель, Н. И. Лапин, Н. Ф. Наумова, М. В. Ромм, В. Т. Федотова, Л. А. Хахулина, М. А. Шабанова, В. А. Ядов).

Результаты исследования. Коллективная матрица инкапсуляции начинает оформляться в результате изменения общественной парадигмы – с «имперской» на «советскую». Её векторы развития определялись в контексте коллективных социалистических ценностей, моделях экономического воспроизводства, на основе принципов общественной собственности на средства производства.

Проект «советского мира» отечественными архитекторами всеобщего равенства и справедливости выстраивался как новая социокультурная реальность единения и интеграции различных этносов и культур.

Проект «советского мира» – своеобразный «культурный тигель», инновационная форма аккультурации, в которой был воплощён принцип «единства в многообразии», но в контексте марксистских подходов на основе идей интернационализма, воплощённых в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» применительно к народам единого геополитического пространства.

Эта была социокультурная цель и норма для всех её членов, определяющих, по мнению Р. Мертона, сущностные характеристики и типологию общества, вместе с системой контроля и способами достижения этих целей [6, с. 245], которые параллельно создавались новой властью.

Новые цели правящих элит позволили дифференцировать структуру социальных групп в обществе, разделив их на тех, кто следовал данному вектору развития, и тех, для кого эти ценностные нормы были неприемлемы.

Социальные группы, принявшие новые нормы жизнедеятельности, в совместном «сотрудничестве» с властью создавали новую архитектуру инкапсуляции, за это они получали, «новые социальные статусы» и «социализированные вознаграждения» [Там же, с. 247].

Такие группы условно можно назвать – в соответствии с западными традициями – группами ассимиляции [18; 19].

Те социальные группы, которые не желали придерживаться предлагаемого образа жизни, становились жертвами «социокультурного тигеля». Добровольная аскеза, «отказ от мирской жизни» в советском обществе, не подразумевала «мирный уход» в леса, чтобы посвятить себя медитации, как это было в древних культурах [11, с. 296]. Органы государственного надзора и контроля жертвами социализации пополняли ряды бесплатной рабочей силы, создававшие материальные ценности нового государства. Такие группы можно определить как группы аномии, или маргинальные группы.

Между двумя этими полярными группами, создающими архитектуру инкапсуляции, существовали группы сепарации и интеграции, включавшиеся в процессы кросс-культурной инкапсуляции, сохраняющие и модернизирующие паттерны поведения в контексте новых социокультурных норм.

Можно отметить, что в дальнейшем, с разрушением геополитического пространства СССР в 1990-е годы XX столетия, новые этнические демократические государства реализовывали полярные сценарии управления жизнедеятельностью общества, применяли санкции вместо трудовых лагерей, вынуждали эмигрировать те социальные группы, которые не принимали ценностные нормы новой модели инкапсуляции. Виктимность социальных групп, не принимающих ценности новой парадигмы инкапсуляции, является одной из её базовых характеристик на «точках перехода».

Вектор социокультурных ориентиров и система способов достижения намеченных целей являются доминантами данной парадигмы.

Социалистические социокультурные ориентиры в новой матрице инкапсуляции были направлены не на доминирование и подчинение одних этносов другим, а на совместное равноправное сосуществование и соразвитие, на основе паттернов интернационализма, идеологием общественной морали, государственных ценностей.

Для реализации данной стратегии необходимо было переформатировать общественное сознание, изменить социальные коды культуры и уклада жизнедеятельности населения.

В этой связи из новой общественной парадигмы исключаются два важнейших института: церковь и семья, которые тысячелетиями воспроизводили стереотипы социокультурного поведения нации, формировали коллективное бессознательное народов, воспроизводили на основе архетипов традиционные ценностные установки.

Стратегии новой модели инкапсуляции направлялись на забвение исторической памяти, разрушая коллективное бессознательное, к формированию нового коллективного сознания на основе современного советского опыта.

В матрице советской инкапсуляции был организован «процесс замещения» с института Церкви, который стал недоступен для массового сознания, на партийные, советские и общественные идеологические институты, которые приносили новые ритуалы, мистификации, инициации в коллективную жизнь советских людей.

В свою очередь все формы семейного воспитания и обучения замещаются коллективными методами организации жизнедеятельности человека: системой социального воспитания, технологиями политической советской социализации.

Коллективная идентификация предполагала последовательную и поэтапную политическую социализацию и инкультурацию советского человека от «рождения до могилы» через такие формы коллективной организации, как октябрятская звёздочка, пионерский отряд, комсомольская организация, партийная ячейка и профсоюзная организация для непартийных групп населения.

Таковы были ориентиры «советского тигля» межнациональной интеграции на всей территории СССР.

После Второй мировой войны можно наблюдать, как советская матрица социо-

культурной инкапсуляции распространяется правящими элитами не только на Запад, в страны социалистического содружества, но и на Восток, Азию, Африку и Латинскую Америку.

Предтеча мультикультурализма, коллективная инкапсуляция советского типа, более семидесятилетий оказывала своё влияние на процессы межнационального взаимодействия на различных географических широтах.

По существу это была новая форма колонизации общественного сознания на основе марксистских идеологем равенства, социальной справедливости и прав человека труда, как демиурга всех материальных и коллективных ценностей.

Колонизация как форма культурной экспансии – характерное явление для мировой истории. Как считает французский исследователь А. Голдхаммер, культура Франции «колонизировала сознание мира», став центром цивилизации в XIX столетии, а в XX веке это место в мировой цивилизации стал занимать Голливуд [15, с.110].

В начале XXI века культурная экспансия в процессах межкультурной коммуникации принадлежит интернету, как новой формы инкапсуляции. Захвативший всё мировое пространство интернет обеспечил реализацию социалистических принципов, если не справедливости, то свободы и равенства, не только «в отдельно взятой стране», но и «в отдельно взятой квартире», практически на всех континентах мира.

Способы достижения поставленных целей необходимо рассмотреть в логике диахронических и синхронических подходов.

Хронотоп матрицы конструировался правящими элитами на основе двух основных дискурсов: дискурса общей судьбы, всех наций и народностей, диахронных векторов построения, «там и тогда», и дискурса общей социальной повседневности, синхронного вектора моделирования, «здесь и сейчас».

Миф об «общей судьбе братских народов» создавался в единой логике событийного описания. Коллективная мифологема социального мира «братских народов» укладывалась в логику марксистской парадигмы отображения истории, где такие явления, как эксплуатация, неравенство, притеснения и восстание угнетённых были своеобразными «общими страницами» единого исторического процесса различных этносов советского общества.

Дискурсы кросс-культурной повседневности были связаны с общими историческими событиями тем совместным новым социальным опытом, который приобретался в условиях советского государства: во время Гражданской и Великой Отечественной войны, в период коллективизации и освоения целинных земель, при работе над «мирным атомом», в стройках пятилетки. Дискурсы кросс-культурной советской повседневности были подчинены коллективным матрицам единения, игнорируя все этнические индивидуальные сценарии жизнедеятельности отдельных наций и народностей.

Коллективная социокультурная инкапсуляция воспроизводилась в повседневности на всей территории страны через систему образования и культуры, экономики и политики, военной сферы и систему хозяйствования.

Образовательная, интеллектуальная и культурная миграция из национальных областей, краёв и республик имела организованный характер, на основе централизованного управления населением. Власть регламентировала этнонациональные процессы, контролировала этнонациональные свободы и потребности в контексте государственных интересов и базовых советских идеологем.

«Самопредставление», сформулированные «знания о себе» нации и народности могли иметь только опосредованно, через государственный союзный аппарат управления и контроля, только через институты национальных партийных и культурных элит.

Коллективная матрица инкапсуляции формировала новые подходы к кросс-культурной компетенции, она формировалась на основе единого языка межкультурного общения, которым был русский язык, при этом осуществлялась государственная политика сохранения и развития национальных языков. Политика кросс-культурного билингвизма была нормой общественной жизнедеятельности.

Проявление этнизма и этнической межгрупповой агрессии в данный период регулировалось через репрессивные формы государственного вмешательства, за всеми этнонациональными проявлениями индивидуального своеобразия осуществлялся полицейский надзор.

Обсуждение результатов исследования. Особенность социокультурной матрицы инкапсуляции Российской Федерации. Российская матрица инкапсуляции условно претерпевает три этапа своей трансформации.

Первый этап был связан с процессами деинкапсуляции советской матрицы. Деинкапсуляция советской матрицы идентичности была обусловлена как внутренними процессами разрушения единого геополитического пространства, так и внешними факторами, прямой экспансией со стороны ведущих зарубежных промышленно развитых стран по устранению Российской Федерации как конкурента в сферах влияния экономики и политики в глобальной системе координат.

Во *второй период* происходит кросс-культурная ориентация и первые попытки создать российскую матрицу социокультурной инкапсуляции. Условно этот процесс можно обозначить с начала 90-х годов до начала нулевых годов.

Третий этап был связан со стратегиями кросс-культурной ориентации правящих элит в системе новых социоэкономических, политических, миграционных и геополитических процессов в контексте глобальных вызовов и этнонациональных угроз в контексте складывающегося многополярного мира.

Отталкиваясь от концепции А. Грейлла и Р. Руди о различных формах инкапсуляции, можно также осмыслить эти процессы в парадигмах физической, социальной, идеологической инкапсуляции как составных частей матрицы кросскультурной идентичности [14].

Этап деинституционализации советской модели инкапсуляции. Данный период связан с разрушением геополитического пространства СССР и политической активизацией этнических государств, входивших в состав советской страны.

Для них, на наш взгляд, были характерны следующие виды инкапсуляции:

Физическая инкапсуляция. Можно отметить, что и страны Балтии, и страны Центральной Азии, и закавказские страны, по сути дела были геополитическими и геоэкономическими проектами правящих советских элит для реализации глобальных и региональных программ продвижения идеологием социализма.

В этой связи модели инкапсуляции строились по единой схеме, в состав коренного этнического населения инкорпорировали представителей других наций и народностей через механизмы управляемой образовательной, хозяйственной, учебной, военной миграции, таким образом, чтобы создать условия для формирования новой «социальной и интернациональной общности людей» – советский народ.

После Второй мировой войны этот проект получил новые возможности за счёт репараций, которые позволили не только расширить территориальные границы национальных республик, но и изменить их географическую конфигурацию в рамках единого государства. Причём новые границы союзных республик никак не были связаны с историческим пространством проживания территориального этнического большинства.

Однако с ослаблением политического центра, нарастанием тенденций сепаратизма и этноцентризма геополитическая мозаичная конструкция, характерная для советской государственности, в этот период распадается [7, с. 29]. Начинают рушиться физические контуры советской модели инкапсуляции в тех границах, которые всё меньше мог контролировать политический центр страны.

Паралич власти был связан не столько с системой политического и полицейского регулирования, сколько с игнорированием экономических составляющих государственного управления в тех территориальных границах, которые были определены правящей властью.

С другой стороны, «население имеет собственные законы преобразования, перемещения, ... оно порождает между каждым из индивидов и всеми остальными целый ряд взаимодействий, замкнутых следствий, последствий распространения, ... имеется связь, которая не устанавливается по желанию государства» [10, с. 453].

Этот фактор государственного управления также не был в центре внимания правящих элит, что сыграло свою роль в трансформации матрицы инкапсуляции.

Социальная инкапсуляция. Государственный социокультурный патернализм СССР за годы своего существования расширил не только «национальные границы»,

ареалы этнического «компактного проживания», но ещё сформировал новый тип иждивенчества, «социокультурный вэлферизм».

Национальные модели инкапсуляции советских республик развивались не в жёсткой конкуренции, противодействии социокультурным внешним вызовам, а в условиях государственного патронирования и целевого финансирования, к тому же социокультурные ориентиры были направлены на «внутреннюю среду», многонациональное культурное советское пространство.

Это была своеобразная «поведенческая политика» общественного сектора советской системы. Своеобразные инвестиции, которые делали правящие элиты для коррекции этнического поведения.

Как считают зарубежные исследователи, в области поведенческой экономики общественного сектора, правительства корректируют за счёт инвестиций и налогов определённые паттерны поведения социальных групп [17, с. 850]. Однако они постоянно должны мониторить текущую ситуацию и моделировать возможные последствия в средней и дальней перспективе развития, что было проигнорировано правящими советскими элитами.

Можно констатировать, что на основании патерналистской политики советских элит была сформирована определённая потребительская модель общественного сектора, которая без государственной поддержки существовать просто не могла. И в ситуациях сокращения государственного финансирования данная модель становилась нежизнеспособной.

Идеологическая инкапсуляция. Российская Федерация в 1990-е годы, став де-юре преемницей советской страны, де-факто не смогла противостоять центробежным силам распада, для этого не было экономических, политических, военных, организационных ресурсов. Советская социокультурная матрица инкапсуляции, строительство которой осуществлялось все послевоенные годы, не отвечала больше идеологическим дискурсам и национальным запросам единой общности «советского народа», который всё больше расходился «по национальным квартирам».

Более того, в ситуации распада Советского Союза Российская Федерация не могла предложить не только новую модель

инкапсуляции, но она сама была в поиске новых векторов развития в контексте дискурсов социального государства, новых рыночных отношений. И если у советских элит была ясная цель на построение социалистического общества, то российские элиты стояли на распутье трёх основных моделей сложившихся социальных государств, каждое из которых имело свои «миры капитализма и модели всеобщего благосостояния» [13].

Сформированные модели инкапсуляции национальных государств в логике патрон-вассальных отношений имели сформированный опыт осуществления своей социокультурной, экономической, политической, социальной деятельности только в контексте крупных и масштабных государств. Не имея достаточных ресурсов самостоятельно транслировать и воспроизводить без внешней поддержки коды национальной культуры, национальные государства стали искать партнёров вне социальных и культурных связей с Российской Федерацией.

Все эти основные тенденции предопределили распад советской матрицы инкапсуляции, которые «похоронили» под собой культивируемый десятилетиями советскими элитами идеологический миф о «братских народах».

Этап кросс-культурной ориентации. На данном этапе в Российской Федерации начинается поиск объединяющего нового «мема», единицы новой социокультурной конфигурации. Мем «россияне», «новые русские» и другие коннотации мало соотносились с реалиями тех людей, которые ещё идентифицировали себя с «советским народом». Этому не способствовало и новое геополитическое пространство, которое существенно изменилось в своих новых границах.

Физическое пространство инкапсуляции. В Российской Федерации с начала 1990-х годов происходили сложнейшие миграционные процессы. С одной стороны, наблюдалась вынужденная миграция из стран бывшего Советского Союза, но это была уже внешняя миграция. По оценке специалистов, с 1992 по 1996 годы в РФ из этих стран выехало около 3 млн человек. С другой – из-за военных конфликтов в Чечне вынуждены были покинуть свои дома свыше

350 тыс. человек, причём не только русскоязычных представителей, но и коренных народов республики¹.

Мигранты, которые прибыли на территорию Российской Федерации, несмотря на свои этнические корни, находились в ситуации посттравматического стресса, «культурного шока». Они сталкивались с новыми кодами культуры, которые не соответствовали их представлениям о социальной культуре своего этноса. Как показывают исследования этого периода, наблюдались тенденции гиподентичности, отказа от ценностей собственной этнической группы, формировались процессы этнического нигилизма [9, с. 15]. К тому же, общественная ситуация, трансформация социальных отношений, изменение социальных структур общества не способствовали интеграции вновь прибывших соотечественников.

Условия для формирования новой матрицы инкапсуляции были неблагоприятные, так как были нарушены физические границы воспроизводства кодов культуры, к тому же принять новые социальные обстоятельства своего существования и проживающим, и прибывшим этническим группам было достаточно затруднительно.

Социальные и идеологические векторы инкапсуляции. Сложности у правящих элит в создании новой матрицы инкапсуляции были связаны с процессами разрушения маркёров идентичности.

Правящие элиты процессы демистификации направили на разрушение коллективных социокультурных маркёров, которыми были герб, гимн, исторические события, названия улиц и городов и других релевантных символов, связанных с советским прошлым единого народа.

Была изменена система воспроизводства национальной идентичности через систему школьного образования. Этот период охарактеризован достаточно большим введением образовательных программ, которые давали возможность с различных позиций интерпретировать не только естественнонаучную картину мира, но и историческую, и социальную. В системе государственных школ формирование национальной идентичности было «доверено» индивидуальным интерпретаторам, ко-

торые имели возможность, исходя из своих предпочтений, трактовать прошлое и настоящее страны по лекалам индивидуальных имплицитных представлений, чего не наблюдалось в системе образования в этот период ни в одном государстве мира.

Все эти действия были направлены на системное разрушение глубинных пластов коллективного бессознательного, которые непосредственно были связаны с архетипами общественного прошлого.

И если на предшествующем этапе правящими элитами через систему школьного образования воспроизводились пласты национальной идентичности через учительские кадры, то в переходный период они массово отстранились от процессов формирования идентичности за счёт сокращения их подготовки в высших учебных заведениях.

Так, например, по данным статистики, в 1991 году на первом курсе высших учебных заведений обучалось по всем специальностям учительской профессии 825,9 тыс. человек, то в 2004 году наблюдается снижение до 303,6 человек. Если сравнить с подготовкой экономистов и юристов, то на первом курсе в 1991 году данная группа состояла из 198 тыс., в 2004 году их численность достигла 941,6 тыс. человек, и это в условиях «демографической ямы»², снижения количества населения.

Однако можно было наблюдать и другие тенденции, которые всё же способствовали формированию основам российской модели инкапсуляции.

Разрушив советскую систему политической социализации человека от рождения до могилы, правящие элиты «возрождают» в жизни отдельного человека институт семьи и Церкви, которые были исключены из сферы коллективной жизни народа почти на семьдесят лет.

Семья, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, является одним из главных институтов формирования идентичности и передачи культурных кодов между поколениями.

Члены семьи – не только живые свидетели, но и акторы исторических событий, которые через систему норм, ценностей, личностно-прожитых исторических событий

¹ Население России: пятый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневого. – М., 1997. – 300 с.

² Статистика российского образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 17.02.2017).

включают последующие поколения в систему ушедших исторических событий, тем самым формируют коды национальной идентичности.

Являясь современниками, в том числе и своих детей, внуков, либо детей, старшие члены семьи через «историческую» индивидуальную память влияют на жизненную траекторию субъекта другого исторического времени, находящегося с ним в родственных отношениях. Тем самым включают его через индивидуальный исторический цикл семьи в непрерывный контекст социально-исторического процесса своего рода, через его территории и страны в целом в контексте социокультурных норм и ценностей.

И если семья формировала индивидуальные матрицы инкапсуляции, то институт церкви формировал матрицы идентичности на уровне массового коллективного сознания, формируя религиозное мироощущение и миропознание, вне дискурсов партийных политических установок и атеистических истин [14]. По сути дела, церковь начала возвращать архетипы национального общинного сознания, формируя механизмы идентичности для сформировавшихся антагонистических социальных слоёв российского общества.

Именно эти доминанты, когда всё более отчётливо будут формироваться у правящих элит представления о моделях российской инкапсуляции, станут одними из тех «скреп», на основах которых возможно формировать новую матрицу кросс-культурной идентичности.

Этап формирования новой модели идентичности в контексте реалий физической, социальной и идеологической инкапсуляции. Можно отметить, что российская социокультурная матрица инкапсуляции начинает только оформляться в своих кросс-культурных параметрах. Становление социокультурной матрицы осуществляется между двумя полюсами исторического цивилизационного опыта – «интернационализма» (объединение наций на основе «союза угнетённых», предшествующий исторический опыт) и «мультикультурализма» (сосуществование «разных, не объединяющихся и не интегрирующих», современный опыт инкапсуляции западной цивилизации).

Данные дискурсы – это крайние точки социокультурной инкапсуляции, сценарии которых невозможно реализовать в российских условиях по следующим причинам.

Первая причина заключается в том, что «интернациональный» сценарий сегодня невыполним, поскольку существенно изменилась структурная дифференциация общества.

В новом постиндустриальном обществе произошло изменение в структуре производительных сил и производственных отношений. На смену пролетариату пришёл «субпролетариат», который, согласно Ж. Жюлиару, не может быть «агентом политических действий» [4, с. 29], в связи с чем объединение наций на основе проекта «интернационализма» не продуктивен. «Субпролетариат» может активизировать только процессы маргинализации общества, но не его интеграцию [16], а тем более на этнонациональной основе, что в исторической перспективе наглядно показал «Майдан» в Украине.

Вторая причина связана с ограниченностью возможностей проекта мультикультурализма, что в начале XXI века доказала сама западная цивилизация [12].

К тому же в условиях санкций, когда элиты европейских стран пошли по пути дезинтеграции отношений с РФ, западные модели инкапсуляции стали не рассматриваться по идеологическим, политическим и социальным причинам. К тому же ценностные ориентации России и Запада стали входить в резонанс по таким параметрам, как семья, духовность, социальная справедливость, нравственность – всё то, что связано с экзистенциями и духовными ценностями, а не с утилитарными принципами пользы и рациональности западного человека.

Третья причина заключается в том, что Российская Федерация изначально развивалась как полиэтническая страна, в которой тысячелетиями и столетиями сосуществовали различные этносы и народности, церкви основных мировых конфессий. В этой связи на новом историческом этапе формирования социокультурной инкапсуляции открывается не сама реальность того или иного этноса, как это наблюдается в западной цивилизации, а её новые формы исторической социокультурной повседневности.

Поэтому не «травма принятия» с одной и другой стороны, со всеми трансформациями этнического сознания, поисками равенства к «пришедшим», «живущими и доминирующими», а интеграция на основе новых экзистенций и духовных смыслов – вот что определяет новый вектор российской инкапсуляции.

Поэтому не случайно, что процессы интеграции на новом историческом этапе осуществляются в логике поиска «духовных скреп»¹, а не кросс-культурных компетенций, поиска коммуникаций, культурных рефлексий, проекций совместной жизнедеятельности и т. д., что наблюдается в современном Западном мире [24].

Заключение. Таким образом, модель инкапсуляции помогает идентифицировать механизмы обретения и формирования идентичности различных этносов в контексте их геокультурного и геополитического измерения.

В процессе оформления нового российского общества модели инкапсуляции

дают возможность интерпретации механизмов формирования идентичности на основе кросс-культурного своеобразия социальных групп.

Советские модели инкапсуляции в своей основе были подчинены политическим задачам правящих элит по распространению социалистических идеологий и парадигм межнационального взаимодействия.

В условиях «множественности демократий», плюрализма ценностей, многополярности измерений жизнедеятельности перед демократическими обществами стоят другие вызовы. Социальные модели «единства в многообразии» имеют свои векторы изменений, когда национальные государства должны существовать в рамках своей социокультурной идентичности, но при этом в контексте и взаимодействии с другими государствами, с их матрицами идентичности. В этом сегодня раскрывается философия и гармония жизни общества – быть «наедине», в рамках своей парадигмы идентичности, «но со всеми».

Список литературы

1. Баранов Н. А. Институционализация в России: особенности национальной модели // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК: науч. журн. 2007. Т. 3, № 4. С. 69–87.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Бессонова О. Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2007. 123 с.
4. Жюлиар Ж. Круглый стол. Капитализм и лишение свободы // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления, интервью / М. Фуко. М.: Праксис, 2005. Ч. 2. 320 с.
5. Куропятник М. С. Культурная инкапсуляция: контексты и интерпретации социокультурных процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 12, вып. 3. С. 135–141.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 880 с.
7. Павленко В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М.: Смысл, 2001. С. 25–40.
8. Пантин В. И., Лапкин В. В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
9. Солдатова Г. У. Социокультурный подход в практической психологии вынужденной миграции // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М.: Смысл, 2001. 279 с.
10. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанный в Колеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
11. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический Проект, 2008. 634 с.
12. Arredondo P., Perez P. Expanding multicultural competence through social justice leadership // The Counseling Psychologist 2003. No. 31. Pp. 282–289.
13. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 1997. 25 p.
14. Firsov M., Sizikova V., Iarionov A., Chernikova A. Social work within the structure of social oriented confessional education // Journal of Global Research in Education and Social Science. 2017. No. 9. Pp. 65–75.
15. Goldhammer A. The Future of French Culture // French Politics, Culture & Society. 2010. Vol. 28, No. 3. Pp. 97–113.

¹ Путин В. В. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 12.12.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 23.01.2017).

16. Greil A., Rudy D. Social Cocoons: Encapsulation and Identity Transformation Organizations/ Sociological Inquiry. 2007. January. Pp. 62–71.
17. Kanbur R., Pirttila J., Tuomala M. Non-welfarist optimal taxation and behavioural public economics // Journal of Economic Surveys. 2006. Vol. 20, No. 5. December. Pp. 849–868.
18. Molodikova I. N., Yudina T. N. Migration strategies of Ukrainian migrants: EU or Russia // Contemporary Problems of Social Work. 2016. T. 2, No. 3. Pp. 62–71.
19. Ruben J. Echemendia Cultural encapsulation [Электронный ресурс] // Key Words in Multicultural Interventions A dictionary / ed. by J. S. Mio [et al.]. London: Greenwood press Westport, Connecticut, 1999. Режим доступа: <http://www.daximeba.ru/xyga.pdf> (дата обращения: 23.01.2017).
20. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (4th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2003.
21. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (5th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2007. Pp. 5–27.
22. Sue D. W., Sue S. Barriers to cross-cultural counselling // Journal of Counselling Psychology. 1977. No. 27. Pp. 420–429.
23. Pedersen P. A handbook for developing multicultural awareness (2nd ed.). Alexandria, VA: American Counseling Association. 1994. 325 p.
24. Vera E., Speight S. L. Multicultural competence, social justice, and counseling psychology: Expanding our roles // The Counseling Psychologist. 2003. No. 31. Pp. 253–272.

Статья поступила в редакцию 11.02.2017; принята к публикации 21.03.2017

Библиографическое описание статьи

Фирсов М. В., Юдина Т. Н., Черникова А. А. Особенности процессов инкапсуляции в условиях многовекторных координат российского общества // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 30–40. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-30-40.

Mikhail V. Firsov¹,

*Doctor of History, Professor,
Russian State Social University
(1 b., 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: mihail_firsov@mail.ru*

Tatiana N. Yudina²,

*Doctor of Sociology, Professor,
Russian State Social University
(1 b., 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: ioudinatn@mail.ru*

Anna A. Chernikova³,

*Graduate Student,
Russian State Social University
(1 b., 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: aanny@yandex.ru*

Features of Encapsulation Processes in Multivector Coordinates of Russian Society

The institutionalization processes of modern Russian society affect all spheres of its development. In modern conditions, the new relations that are beginning to form between social groups and national communities require their systematic interpretation. Contemporary postmodern cognition looks for such forms of comprehension of multivector phenomena that would enable to go beyond the traditional schemes and “accepted” discourses of reality comprehension, since it is rather difficult to describe dynamic processes in one cognitive matrix. In this connection, social cognition uses various approaches to the reflection of emerging social processes. One of such approaches is cultural encapsulation, proposed by American researcher C. Gilbert Wrenn. Cultural encapsulation is widely used in counseling and therapy practice for understanding the specific features of ethnic clients social functioning in society. Social knowledge also uses this approach

¹ M. V. Firsov develops the concept of the article, systematizes and analyzes the research material.

² T. N. Yudina systematizes and analyzes the research material.

³ A. A. Chernikova translates and analyzes foreign literature, collects materials.

to describe the interaction of various ethnic groups in relation to ethnic and cultural issues. The article reveals different approaches to the description of the transformation of the Soviet matrix of encapsulation, its basic characteristics, features of functioning and its transition to the Russian model of cultural encapsulation.

Keywords: assimilation, encapsulation, collective encapsulation matrix, encapsulation types, institutionalization, marginalization, migration

References

1. Baranov N. A. Institutsionalizatsiya v Rossii: osobennosti natsional'noi modeli // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS: nauch. zhurn. 2007. T. 3, № 4. S. 69–87.
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozh. lit., 1975. 504 s.
3. Bessonova O. E. Obraz budushchego Rossii i kod tsivilizatsionnogo razvitiya. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN, 2007. 123 s.
4. Zhyuliari Zh. Kruglyi stol. Kapitalizm i lishenie svobody// Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya, interv'yuu / M. Fuko. M.: Praxis, 2005. Ch. 2. 320 s.
5. Kuropyatnik M. S. Kul'turnaya inkapsulyatsiya: konteksty i interpretatsii sotsiokul'turnykh protsessov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2015. Ser. 12, vyp. 3. S. 135–141.
6. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M.: AST, 2006. 880 s.
7. Pavlenko V. N. Akkul'turatsionnye strategii i modeli transformatsii identichnosti u migrantov // Psikhologiya bezhentshev i vynuздennykh pereselentshev: opyt issledovaniya i prakticheskoi raboty. M.: Smysl, 2001. S. 25–40.
8. Pantin V. I., Lapkin V. V. Transformatsiya natsional'no-tsivilizatsionnoi identichnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva: problemy i perspektivy // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 1.
9. Soldatova G. U. Sotsiokul'turnyi podkhod v prakticheskoi psikhologii vynuздennoi migratsii // Psikhologiya bezhentshev i vynuздennykh pereselentshev: opyt issledovaniya i prakticheskoi raboty. M.: Smysl, 2001. 279 s.
10. Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naselenie: kurs lektsii, pročitannyy v Kolezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2011. 544 c.
11. Eliade M. Istoriya very i religioznykh idei: ot kamennogo veka do elevsinskikh misterii. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. 634 c.
12. Arredondo P., Perez P. Expanding multicultural competence through social justice leadership // The Counseling Psychologist 2003. No. 31. Pp. 282–289.
13. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 1997. 25 p.
14. Firsov M., Sizikova V., Iarionov A., Chernikova A. Social work within the structure of socialoriented confessional education // Journal of Global Research in Education and Social Science. 2017. No. 9. Pp. 65–75.
15. Goldhammer A. The Future of French Culture // French Politics, Culture & Society. 2010. Vol. 28, No. 3. Pp. 97–113.
16. Greil A., Rudy D. Social Cocoons: Encapsulation and Identity Transformation Organizations/ Sociological Inquiry. 2007. January. Pp. 62–71.
17. Kanbur R., Pirttila J., Tuomala M. Non-welfarist optimal taxation and behavioural public economics // Journal of Economic Surveys. 2006. Vol. 20, No. 5. December. Pp. 849–868.
18. Molodikova I. N., Yudina T. N. Migration strategies of Ukrainian migrants: EU or Russia // Contemporary Problems of Social Work. 2016. T. 2, No. 3. Pp. 62–71.
19. Ruben J. Echemendia Cultural encapsulation [Электронный ресурс] // Key Words in Multicultural Interventions A dictionary / ed. by J. S. Mio [et al.]. London: Greenwood press Westport, Connecticut, 1999. Режим доступа: <http://www.daximeba.ru/xyga.pdf> (дата обращения: 23.01.2017).
20. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (4th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2003.
21. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (5th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2007. Pp. 5–27.
22. Sue D. W., Sue S. Barriers to cross-cultural counselling // Journal of Counselling Psychology. 1977. No. 27. Pp. 420–429.
23. Pedersen P. A handbook for developing multicultural awareness (2nd ed.). Alexandria, VA: American Counseling Association. 1994. 325 p.
24. Vera E., Speight S. L. Multicultural competence, social justice, and counseling psychology: Expanding our roles // The Counseling Psychologist. 2003. No. 31. Pp. 253–272.

Received: February 11, 2017; accepted for publication: March 21, 2017

Reference to the article

Firsov M. V., Yudina T. N., Chernikova A. A. Features of Encapsulation Processes in Multivector Coordinates of Russian Society // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 30–40. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-30-40.